

А. Ослон

Уолтер Липпман

о стереотипах:

выписки из книги “Общественное мнение”

Предварительные замечания к выпискам

О книге

Идея перевести и издать знаменитую книгу Уолтера Липпмана обсуждалась с Геннадием Семеновичем Батыгиным в ходе разговоров о книжной серии Фонда “Общественное мнение”, но он, честно говоря, не проявлял особого энтузиазма. По его словам, Липпман все-таки был скорее журналистом, а в серии Батыгин хотел видеть именно социологическую классику. У меня была другая точка зрения: мне казалось, что наши издания должны хотя бы пунктиром обозначить предметное поле Фонда, и присутствие книги Липпмана* в этом абрисе просто требовалось – хотя бы из-за бесконечного числа ссылок на нее в самой разной литературе, а также названия, очевидным образом переключющегося с названием Фонда.

Много позже, уже когда Геннадия Семеновича не стало, я понял, почему он не выражал особого желания издавать Липпмана. Он-то прекрасно сознавал, как трудно сделать качественный перевод текста, вышедшего из-под пера хорошо, почти художественно пишущего автора. Недаром над книгой И. Гоффмана “Анализ фреймов”, тоже очень непростой по языку, он сам – как редактор – напряженно работал более двух лет.

Он предвидел трудности и, видимо, именно их имел в виду, говоря о журналистском компоненте творчества Липпмана.

Тем не менее книга Липпмана была переведена, издана и заняла свое законное место на полке литературы об общественном мнении. Правда, полка эта полупустая, так как переводить дорого, а писать некогда. Да особо и некому.

О стереотипах

Общепризнано, что понятие “стереотип” ввел в обиход именно Уолтер Липпман. *“И хотя Липпман не был ни первым, ни единственным автором, постулировавшим наличие неких “когнитивных карт”, опосредующих и направляющих процесс социального познания, предложенный им термин приобрел исключительную, причем растущую популярность. Так, в 1999 году на конгрессе Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии, проходившем в Оксфорде, из 33 симпозиумов 13 были сфокусированы на проблематике стереотипов, предубеждений и дискриминации”**.* В своей книге “Общественное мнение” он предвосхитил основные смыслы, которые в дальнейшем исследователи обнаружили в стереотипах, а само понятие прочно вошло в обиходный язык***.

Но сам Липпман – не “чистый” исследователь, и его книга – не научный трактат. Она скорее

* Липпман У. *Общественное мнение*. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.

** Доицов АИ., Стефаненко ТГ. *Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра / Социальная психология в современном обществе*. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 76.

*** Надо отметить, что в 20–30-е годы XX столетия физиологическая школа И.П. Павлова активно занималась изучением феномена, названного Павловым “динамическим стереотипом”, что означало цепь нервных следов от прежних раздражителей, срабатывающих, в отличие от условных и безусловных рефлексов, в отсутствие внешнего стимула. (Судаков КВ. *Динамические стереотипы, или Информационные отпечатки действительности*. М.: ПЕР СЭ, 2002). Содержательная связь между “динамической стереотипией” Павлова и стереотипами Липпмана представляется достаточно прозрачной, но нам неизвестны специальные исследования на эту тему.

манифест определенного мировоззрения, сформировавшегося у автора в результате богатого жизненного опыта и благодаря его исключительному здравомыслию. Липпман ничего не доказывает – он просто излагает свое представление об устройстве социального мира, отталкиваясь от четко обозначенной исходной позиции: *“Итак, вот ключ к нашему исследованию. Мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом*

Мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться

и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться” (с. 46). В этих “картинах мира” мир отличается от реального, беспорядочного: он расчленен на категории, и категориям присвоены ярлыки. Этот “внутренний” мир субъективен и недостоверен, но зато он, по крайней мере, обозримый, устойчивый, в нем можно ориентироваться и действовать. Базовые элементы этого упрощенного мира Липпман назвал стереотипами, обыгрывая все смыслы этого типографского термина*, обозначающего твердую копию, снятую с чего-то реального и предназначенную для многократного получения с нее отпечатков (то есть копий копий).

Задолго до возникновения когнитивных наук Липпман пришел к пониманию того факта, что, воспринимая мир, человек не способен “объять необъятное”. Преодолевая разнообразие мира, он воспринимает только то, что ожидают воспринять его стереотипы, чем подтверждает ожидания и в результате еще сильнее укрепляется в своих стереотипах. Это итерационный процесс распознавания знакомого в новом и превращения его в но-

вое знакомое. Он начинается в ходе первичной социализации с освоения опыта взрослых воспитателей и продолжается всю жизнь. Мы видим мир так, как нас научили его видеть, вносим свои поправки и учим своих детей. Наши поправки обусловлены не только тем, что мир (как нам кажется) меняется, но и тем, что мы обмениваемся с окружающими людьми опытом восприятия и интерпретации мира. Так происходят распространение, укоренение и социальная синхронизация стереотипов, за счет чего стереотипы затвердевают, приобретают характер очевидности и несомненности. Стереотипы объединяются в системы стереотипов, которые тоже являются стереотипами и предстают в виде повседневных укладов, верований, учений, социальных институтов и т. д. И так вплоть до стереотипа, охватывающего все системы стереотипов и известного под названием “социальная реальность”.

Содержательное богатство и объяснительная сила понятия “стереотип” проявляются в тексте Липпмана в полной мере, хотя, напомним, книга его была издана в 1922 году. Через это понятие проясняется природа сил притяжения внутри социальных мы-групп, участники которых спаяны общими системами стереотипов и сходным образом идентифицируют как “внешний мир”, так и смысл самих мы-групп. Становится понятно, почему для стереотипов характерны устойчивость и сопротивляемость изменениям, проявляемые в виде защитных эмоциональных реакций. Выявляется скрытое действие стереотипа как ведущего куда-то “поводыря”, как матрицы, предопределяющей не только восприятие, но реакции, мнения, действия не осознающих этого людей.

Эти и многие другие аспекты и оттенки понятия “стереотип” стали благодаря Липпману интеллектуальным достоянием не только исследователей, но и всех, кто имеет дело с социальной природой, – начиная с журналистов и кончая политиками. Особенно это касается так называемых социальных стереотипов, “программирующих” межличностные и межгрупповые отношения, в том числе предубеждения и предрассудки, встающие между социальными группами, нациями, странами, расами и т. д. И, конечно же, липпмановские стереотипы дают возможность лучше понимать закономерности формирования и проявления общественного мнения.

* Стереотип (от греч. stereos – “твердый” + typos – “отпечаток”) – монолитная печатная форма, копия с типографского набора или клише, используется для ротационной печати многотиражных изданий.

Об общественном мнении

Представляется очевидным, что стереотипы оказывают значительное, если не решающее, влияние на формирование мнений. Особенно очевидно это для тех, кто занимается массовыми опросами и имеет дело с ответами респондентов на сотни и сотни самых разных вопросов.

Дело в том, что каждый человек в отдельности, как неоднократно подчеркивает Липпман, может выступать в качестве специалиста или эксперта только по каким-то узким секторам реальности. А опросы включают в себя вопросы заведомо более широкого тематического спектра. Поэтому получается, что на какой-то вопрос продуманные и обоснованные ответы могут давать лишь немногие респонденты, компетентные именно в этой проблеме. Каким же образом отвечают на этот вопрос остальные, составляющие обычно подавляющее большинство? Часть из них (относительно небольшая) уходит в “затрудняюсь ответить”. А остальные... отвечают, причем их ответы неслучайны: при повторном обращении они воспроизводятся, как, впрочем, воспроизводятся статистические распределения по ответам на вопрос на разных выборках.

Этот феномен – результат работы механизма стереотипов, срабатывающих как в ходе опросов, так и во множестве жизненных ситуаций, когда человек поставлен перед необходимостью дать ответ на вопрос, в котором он слабо разбирается. Можно утверждать, что каждый человек оказывается в роли специалиста гораздо реже, нежели в ситуациях, когда ему приходится ориентироваться спонтанно и приблизительно, иметь и даже выражать свое некомпетентное мнение. В таких случаях приходится пользоваться распространенными среди других людей и заимствованными у них заготовками стереотипных формул, объяснений, оценок и т. д. Именно понятие “стереотип” дает возможность объяснить, “...как на поток поступающих извне сообщений влияют уже закрепившиеся образы, предрассудки и предубеждения, которые служат орудием интерпретации и расширения этих сообщений и, в свою очередь, энергично направляют игру воображения и само видение событий” (с. 50).

Такие ходовые, стереотипные мнения Липпман называет “общественными мнениями” – с маленькой буквы, полагая, что из них “...кристаллизуется то, что называется Общественным Мнением, формируется то, что можно назвать Государст-

венной Волей, Групповым Сознанием, Общественной Целью” (с. 51). Вот что он об этом пишет: “Характеристики внешнего мира, которые вытекают из поведения других людей постольку, поскольку это поведение касается нас самих, зависит от нас или интересно нам, мы можем в первом приближении назвать общественными делами (public affairs). Картины в головах этих людей, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений – это общественные мнения. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп, – это Общественное Мнение с большой буквы” (с. 50).

Для Липпмана центральным является вопрос о том, как формируется именно Общественное Мнение, на котором зиждется демократически устроенное общество. Его больше всего беспокоит, что “...демократическая теория в своей исходной форме никогда всерьез не рассматривала проблему, возникающую в связи с тем, что картины в головах людей не являются механическим отображением окружающего их мира” (с. 51), а главная проблема, по его мнению, – в том, как добиться, чтобы в ЕГО обществе Общественное Мнение формировалось, влияло и учитывалось бы разумно и рационально, будь то сферы управления или политики. Ради этого он, собственно, и писал эту кни-

---

Картины в головах этих людей, образы их самих, других людей, их потребностей, целей, взаимоотношений – это общественные мнения. Картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп, – это Общественное Мнение с большой буквы

гу (как, впрочем, и другие свои произведения*); как уже отмечалось, он был не теоретиком, а общественным деятелем, с талантом видеть проблемы в теоретическом ракурсе. Впрочем, его идеи на этот счет требуют отдельного анализа, а в данной публикации речь идет только об их фундаменте – теории стереотипов.

* Например: Липпман У. Публичная философия. М.: Идея-пресс, 2004.

О выписках

Чтение глубоких и мудрых книг истари сопровождалось разного рода пометками на полях, подчеркиваниями ключевых фраз, выписками цитат и т. д. Вся эта читательско-аналитическая работа стала неизмеримо эффективнее при работе с текстом не на бумаге, а в компьютере, когда вместо трудоемкого выписывания стало возможным одним движением выделять и выносить целые фрагменты, изменять исходный текст в соответствии с собственными интересами и соображениями. В том числе по-своему разделять на абзацы, вводить более детальную рубрикацию, форматировать, делать шрифтовые и цветные выделения и т. д. Кто-то скажет, что это похоже на насилие над авторским текстом. Но ведь авторы для того и пишут, чтобы читатели работали с их текстами, и, если такая работа приводит к существенной трансформации исходного текста, то это всего лишь означает, что рождается новый текст, в котором наряду с унаследованными качествами появляются дополнительные – внесенные читателем под собственную ответственность и с соблюдением необходимого респекта по отношению к автору.

Предлагаемые ниже выписки из книги Липпмана сделаны из части 2 – “Стереотипы” (главы 6–9). По сравнению с оригиналом в них отсутствуют многие фрагменты, связанные в основном с актуальными во время написания книги историческими реалиями. При этом введены тематические рубрики (в

квадратных скобках), делающие текст прозрачным; разделение на абзацы – более детальное, а примеры самого Липпмана, иллюстрирующие ход его мысли, обозначены втяжкой. Нумерация параграфов внутри глав оставлена без изменений, что дает возможность следить за исходным текстом книги.

По ходу дела оказалось, что в русском переводе есть не совсем ясные места, – это связано, конечно, со сложностью текста Липпмана, многозначного и богатого на оттенки. Я обратился за помощью к профессиональному лингвисту – Михаилу Ослону – и он внес в перевод некоторые коррективы.

К наиболее заметным из них относится выражение “blind spot”, ранее переводившееся как “слепая зона” и сейчас замененное на “слепое пятно”. Дело в том, что этот физиологический термин, обозначающий место выхода зрительного нерва из сетчатки глаза, в котором нет светочувствительных элементов и, следовательно, восприятия световых раздражений, указывает еще и на парадокс, часто привлекающий внимание (см., например, труды Н. Лумана, У. Матураны и др.). Он состоит в том, что в поле зрения глаза имеется “дыра”, которая, однако, не ощущается и не осознается. Она заполняется нашим “домыслом”, и мы не видим то, что мы не видим! Метафора “слепое пятно” часто используется, когда говорят о факторе, существенном для восприятия, познания и ориентации, но остающемся ненаблюдаемым, незримым. И ровно это имеет в виду Липпман, говоря в главе 8 о теневой стороне стереотипов.

Еще одно изменение связано со словом “code”: было взято значение “код”, а не “кодекс”, так как последнее чаще обозначает не только кодифицированные (то есть превращенные в шаблоны и общепринятые), но и документально оформленные правила, нормы, определения и пр. Из контекста ясно, что Липпман чаще имеет в виду социальные детерминанты, функционирующие в обществе именно в неявном, неформализованном виде, то есть то, что в наше время иногда именуется “культурными кодами”.

Выписки из главы 6 “Стереотипы”

1. [Парадоксы восприятия]

[Узкая рамка восприятия дополняется воображением]

Каждый из нас живет и работает на небольшом участке нашей планеты, вращается в узком кругу зна-

комых и из этого узкого круга знакомых лишь немногих знает достаточно близко. Если происходит какое-то значимое событие, то мы в лучшем случае можем наблюдать определенную его сторону или аспект. То же самое можно сказать о важных участниках таких событий – людях, которые составляют договоры, принимают законы и отдают приказы, равно как и об адресатах этих событий, то есть тех, кому адресованы приказы и для кого заключаются договоры и принимаются законы.

Наши мнения покрывают значительно большее пространство, более длительное время и большее число предметов, чем мы можем непосредственно наблюдать. Тем самым нам приходится склеивать их из сообщений других людей и собственного воображения.

[Недостоверность восприятия: свидетели ошибаются]

Однако даже непосредственные свидетели события вовсе не являются наивными наблюдателями.

За последнее время было собрано огромное количество интересных материалов о надежности свидетельских показаний, из которых следует, что достоверность показаний зависит от типа свидетелей и событий, а также от типа восприятия. Так, оказывается, что малонадежно осязательное, обонятельное и вкусовое восприятие. Слух человека ненадежен в оценке источника и направления звука. А когда он слушает разговор других людей, то “слова, которые не слышит, он добросовестно реконструирует. Пропущенные слова он замещает такими, которые соответствуют его представлению о содержании разговора”. Даже зрительное восприятие может быть ошибочным, как это происходит при идентификации, узнавании, оценке расстояния или количества, например при оценке размера толпы. Если человека специально не обучали, то чувство времени у него также зависит от обстоятельств. Все эти дефекты восприятия осложняются проделками памяти и неизменно творческим характером воображения.

Опыт показывает, что очевидец привносит в описание что-то от себя, а потом представляет это как впечатление от описанного события. То есть обычно то, что выдается за объяснение события, в действительности является его видоизменением. Лишь немногие факты целиком приходят в наше сознание извне. Большинство же, видимо, хотя бы отчасти конструируется в сознании. Сообщение о событии – это некий синтез познающего и по-

знаваемого, в котором роль наблюдателя всегда избирательна и обычно созидательна. То, что мы видим, зависит от того, где мы находимся и к чему привык наш глаз.

[Новое и незнакомое воспринимается неразборчиво]

Незнакомая сцена подобна миру ребенка: это “некая огромная, пестрая, жужжащая неразбериха”. Именно так, по словам Джона Дьюи, взрослый человек воспринимает любой новый предмет, если он действительно нов и непонятен.

Иностранные языки, которых мы не понимаем, всегда кажутся нечленораздельным бормотаньем, не поддающимся делению на отдельные группы звуков.

Крестьянин, оказавшийся в центре большого города, сухопутный житель, попавший на корабль, человек, не разбирающийся в спорте и сидящий на матче между двумя закоренелыми болельщиками, сталкиваются с аналогичной проблемой.

Новичку в первый день работы на фабрике представляется полной неразберихой хорошо организованный производственный процесс. Путешественнику, прибывшему в чужие края, все незнакомые люди другой расы кажутся на одно лицо.

Если пастух распознает каждую овцу в своем стаде, то посторонний заметит только очень резкие различия между этими животными.

То, что нам непонятно, представляется расплывчатыми пятнами или мельканием.

Лишь немногие факты целиком приходят в наше сознание извне. Большинство же, видимо, хотя бы отчасти конструируется в сознании

[Восприятие происходит через стереотипы]

Таким образом, проблема обретения вещами смысла или, иначе говоря, формирования навыка понимания является проблемой привнесения (а) *определенности* и *различия*, (б) *непротиворечивости* или *стабильности* значения в то, что первоначально представляется смутным и изменчивым.

Обычно сначала мы даем предмету определение – и лишь затем видим его, а не наоборот. В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы

вычленим то, что уже было определено нашей культурой.

Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры.

2. [Программы восприятия]

[Восприятие фильтрует информацию]

Поскольку мы не можем как следует понять действия других людей, пока не узнаем, что, по их мнению, они знают, то для того чтобы дать справедливую оценку, мы должны оценить не только известную им информацию, но и сознание, через которое они ее отфильтровали. Ведь существующие типы, принятые образцы (*patterns*), стандартные варианты интерпретации перехватывают информацию на ее пути к сознанию.

[Восприятие распознает усвоенное]

Безусловно, существует некоторая связь между событиями, происходящими вовне, и сознанием, через которое они пропускаются,

точно так же как на каком-нибудь сборище радикалов всегда присутствуют длинноволосые мужчины и коротко стриженные женщины. Но для торопливого наблюдателя достаточно и самой поверхностной связи. Если среди публики окажутся две коротко стриженные женщины и четыре бородатых мужчины, для репортера, знающего об особенностях внешнего вида членов данного общества, это будет собрание коротко стриженных женщин и бородатых мужчин.

Существует связь между нашим восприятием и фактами внешнего мира, но эта связь обычно носит странный характер.

Человек редко смотрит на пейзаж, если у него нет необходимости оценить, насколько данная территория пригодна для строительства и на какие строительные участки ее можно разделить. Но он любит пейзажами на картинах, висящих в его гостиной. Глядя на них, он привыкает думать о пейзаже как о розовом закате или о посеребренной лунным светом сельской дороге, ведущей к церкви. Предположим, ему пришлось поехать в деревню. Целый день он не видит ни единого пейзажа. И вот, когда день близится к концу и заходящее солнце окрашивает горизонт в розовые тона, он узнает знакомый пейзаж и вскрикивает от восторга. Но два дня спустя, пытаясь припомнить увиденное, он вероятнее всего вспомнит какой-то пейзаж из гостиной.

Если этот человек не был пьян, не спал или не находился в состоянии умопомрачения, то он действительно видел закат. Но он увидел и запомнил из него в основном то, чему его научило созерцание написанных маслом картин, а не то, что увидели бы и запомнили художник-импрессионист или утонченный японец. А японец и художник, в свою очередь, тоже смогли бы увидеть в пейзаже в основном те детали, которые предусмотрены усвоенной ими формой, если только они не относятся к редкой категории людей, обладающих способностью показывать человечеству новые способы видения.

Необученный наблюдатель вычленил из внешнего мира те знаки, которые он может распознать. Знаки являются символами идей, а эти идеи мы наполняем своим запасом образов. Мы не столько видим данного человека и данный закат, сколько замечаем, что данный предмет – это человек, а данное явление – это закат, а затем видим в основном то, что уже имеется в нашем сознании.

3. [Когнитивная экономия]

Это связано с экономией усилий. Ведь попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и обобщения, утомительна, а для занятого человека практически обречена на провал.

[Редкие случаи отказа от типизации]

В кругу друзей и в отношениях между товарищами или соперниками нет способа подменить чем-либо индивидуализированное понимание или как-то сэкономить на нем. Те, кого мы любим и кем восхищаемся, в большинстве своем – это мужчины и женщины, сознание которых густо населено главным образом личностями, а не типами. Эти люди знают скорее нас самих, а не классификацию, под которую нас можно подвести.

[Стереотипы задают систему типизаций]

Но современная жизнь полна пестроты и спешки. Кроме всего прочего, очень часто люди, связанные друг с другом жизненно важными отношениями (работодатель – наемный работник, государственное лицо – избиратель), отделены друг от друга значительным расстоянием. И у них нет ни времени, ни возможности для близкого знакомства. Поэтому, усмотрев в каком-то человеке знакомую, свойственную определенному типу черту, мы восполняем отсутствующую информацию о нем с помощью стереотипов, содержащихся в нашем сознании.

[Стереотипы задают априорные определения]

Самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия – это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов. Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы воображаем большинство вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними.

И если полученное нами образование не помогает четко осознать существование этих предубеждений, то именно они управляют процессом восприятия. Они маркируют объекты либо как знакомые, либо как незнакомые, усугубляя это различие: слегка знакомое подается как очень близкое, а чуть-чуть непривычное – как абсолютно чуждое. Эти различия вызываются к жизни с помощью мелких примет, варьирующихся в диапазоне от подлинных признаков до туманных аналогий. Они наводняют свежее восприятие старыми образами и проецируют на мир то, что было сокрыто в памяти.

[Доверие стереотипам]

Большое значение имеют характер стереотипов и доверчивость, с которой мы их используем. А это, в конечном итоге, зависит от обобщающих моделей, из которых складывается наша философия жизни.

Если, согласно этой философии, мы предполагаем, что мир закодирован с помощью кода, которым мы владеем, то мы, вероятно, будем описывать мир так, как будто он управляется нашим кодом.

Но если, согласно нашей философии, каждый человек – это только незначительная часть мира, а человеческий разум улавливает в грубую сеть идей в лучшем случае только отдельные стороны и аспекты, то мы, применяя эти стереотипы, будем знать, что они являются таковыми, не станем придавать им особого значения и охотно будем их менять. При этом мы начинаем все лучше осознавать, когда и где возникают наши идеи, как они приходят к нам и почему мы их принимаем.

5. [Передача стереотипов]

Поэтому, когда мы говорим о сознании группы людей, о сознании французов, милитаристском сознании или большевистском сознании, мы можем сильно запутаться, если не договоримся о том, что нужно отличать сугубо инстинктивное устройство сознания от стереотипов, моделей (patterns)

и формул. Эти последние играют существенную роль в построении ментального мира, к которому должен приспособиться врожденный характер и на который он должен реагировать. Когда это различие не проводится, появляется масса разглагольствований о коллективном сознании, народной душе и расовой психологии.

[Стереотипы как плоды воспитания]

Стереотип столь последовательно и авторитетно передается из поколения в поколение, что кажется присущим физиологии индивида. В некоторых отношениях, отмечает Г. Уоллес, мы биологически паразитируем на нашем социальном наследии.

Но, разумеется, не существует никаких научных данных, которые позволили бы кому-то доказать, что люди рождаются с политическими привычками страны, где они появляются на свет. Когда речь идет о схожих политических предпочтениях людей данного государства, то объяснения этого сходства следует искать прежде всего в принципах воспитания в детском саду и в школе, во влиянии церкви, а не в заоблачном пространстве, где обитают Групповое Сознание и Национальный Дух. До тех пор пока вы окончательно не убедились, что традиция не передана родителями, учителями, духовными лицами и ближайшими родственниками, грубейшей ошибкой будет приписывать политические различия влиянию зародышевой плазмы.

[Воспитание или природа?]

Таким образом, можно предварительно обобщить сравнительные различия между людьми одной категории – людьми, объединенными одинаковым образованием и опытом. Но даже эти скромные обобщения следует считать довольно рискованными. Ведь практически не существует двух сходных опытов или двух одинаковых детей даже в одной семье. Так, старший сын никогда не поймет, какво это – быть младшим в семье. Следовательно, до тех пор пока мы не научимся принимать во внимание различия в воспитании двух людей, мы должны воздерживаться от суждений по поводу их природных различий.

Точно так же, чтобы оценить плодородность двух видов почвы, мы не можем ограничиваться только сравнением полученного на них урожая. Мы должны знать, откуда взяты эти образцы – с Лабрадора или из Айовы, распахивали ли их, удобряли ли – или они просто не возделывались.

Выписки из главы 7 “Стереотипы как защита”

1. [Мир стереотипов]

[Комфортность мира стереотипов]

Помимо экономии усилий существует еще одна причина, по которой мы так часто следуем стереотипам, в то время как могли бы придерживаться и более беспристрастного взгляда на вещи.

Системы стереотипов могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе. Они представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира. В ней удобно разместились наши привычки, вкусы, способности, удовольствия и надежды. Стереотипная картина мира может быть не полной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились. В этом мире люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом. Мы чувствуем себя в этом мире как дома. Мы вписаны в него. Мы его составная часть. Нам известны все ходы и выходы. Здесь все чарующе знакомо, нормально, надежно. Горы и овраги этого мира находятся там, где мы привыкли их видеть.

Чтобы вписаться в этот шаблон, нам пришлось отказаться от многого из того, что ранее представлялось привлекательным. Но как только мы в него вписались, мы почувствовали себя в нем уютно, как в старых, разношенных башмаках.

Стереотипная картина мира может быть не полной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились. В этом мире люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом

[Устойчивость мира стереотипов]

Поэтому неудивительно, что любое изменение стереотипов воспринимается как атака на основы мироздания. Это атака на основания нашего мира, и когда речь идет о серьезных вещах, то нам на самом деле не так просто допустить, что существует какое-то различие между нашим личным миром и миром вообще.

Если в данном мире уважаемые нами люди оказываются негодьями, а презираемые нами

люди – образчиками благородства, то такой мир действует на нервы.

Мы видим анархию там, где привычный для нас порядок не является единственным.

Если кроткие и вправду должны наследовать землю; если первые будут последними; если только те, кто без греха, могут бросить камень; если только кесарю положено кесарево, – то основы самоуважения будут поколеблены у тех, кто устроил свою жизнь так, будто эти максимы неверны.

[Стереотипы защищают целостность личности]

Система (*pattern*) стереотипов не является нейтральной. Это не просто способ замены пышного разнообразия и беспорядочной реальности на упорядоченное представление о ней. Не просто сокращенный и упрощенный путь восприятия. Это нечто большее.

Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание наших ценностей; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются.

Они – бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности.

2. [Динамика стереотипов]

[Ригидность стереотипов]

Стереотип начинает действовать еще до того, как включается разум. Это накладывает специфический отпечаток на данные, которые воспринимаются нашими органами чувств еще до того, как эти данные достигают рассудка. Ничто так не сопротивляется образованию или критике, как стереотип. Он накладывает свой отпечаток на фактические данные в момент их восприятия.

[Подкрепление опытом]

В определенной степени внешние стимулы, особенно сказанные или напечатанные, активизируют некоторую часть системы стереотипов, так что непосредственное впечатление и ранее сложившееся мнение появляются в сознании одновременно. Они перемешиваются, как это происходит, когда мы смотрим на желтое сквозь синие очки и видим зеленое. Если то, на что мы смотрим, совпадает с тем, что мы ожидали увидеть, стереотип закрепляется еще сильнее.

Например, человек, который заранее полагает, что японцы хитры и коварны, и наталкивается на двух нечестных японцев, будет и впредь считать всех японцев обманщиками.

[Твердые и мягкие стереотипы]

Но допустим, опыт вступает в противоречие со стереотипом. Тогда возможен двойкий исход.

Если индивид уже утратил определенную гибкость или ему в силу какой-то значительной заинтересованности крайне неудобно менять свои стереотипы, он может проигнорировать это противоречие и счесть его исключением, подтверждающим правило, или подвергнуть сомнению свидетельские показания, или найти какую-то ошибку, а затем забыть об этом событии.

Но если он не утратил любопытства или способности думать, то новшество интегрируется в уже существующую картину мира и изменяет ее. Иногда, если событие довольно необычное и если человек чувствует его несоответствие устоявшейся схеме, он может испытать такой шок, что потеряет доверие ко всем принятым способам видения мира и решит, что вещь никогда не оказывается той, какой она обычно воспринимается.

Выписки из главы 8 “Слепые пятна и их значение”

1. [Тотальность мира стереотипов]

До сих пор речь в этой книге шла скорее о стереотипах, чем об идеалах, поскольку идеалом обычно мы называем то, что считаем истинным и прекрасным. Идеал предполагает подражание, стремление к нему. Но наш репертуар фиксированных впечатлений гораздо шире. В нем содержатся представления об идеальном жулике, идеальном политике, идеальном ура-патриоте, идеальном агитаторе, идеальном враге.

Наш стереотипный мир не является обязательно таким, каким бы нам хотелось. Это просто такой мир, какой мы ожидаем увидеть. Если события соответствуют нашим ожиданиям, возникает чувство узнавания, и мы ощущаем, что мы движемся вместе с ним.

[Истоки и текучесть стереотипов]

Большинство из нас опирались бы в своей жизни на довольно бессистемный и изменяющийся набор стереотипов, если бы сравнительно неболь-

шие группы людей в каждом поколении постоянно не занимались их организацией, стандартизацией и доведением их до уровня логических систем, известных под названием Законы Политической Экономии, Принципы Политики и проч. Обычно, когда мы пишем о культуре, традиции и групповом сознании, мы думаем, что к этим системам прило-

Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание наших ценностей; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются

жили руку гении. Разумеется, необходимо постоянно изучать и критиковать эти идеализированные представления, и нет смысла это оспаривать. Однако историк, политик и общественный деятель не могут на этом останавливаться.

Ведь то, что реально циркулирует в ходе истории, – это не системное представление в том виде, в котором его сформулировал гений, а изменяющиеся имитации, реплики, подделки, аналогии и искажения этих представлений в сознании отдельных людей.

Так, марксизм – это не обязательно то, что написал Маркс в “Капитале”, а то, во что верят многочисленные воюющие между собой секты, члены каждой из которых считают себя единственно верными его последователями.

Из Нового Завета нельзя вывести историю христианства, а из Конституции США – политическую историю страны.

Следует анализировать то, как понимается “Капитал”, как проповедуется Новый Завет и как трактуются проповеди, как интерпретируется и исполняется Конституция.

[Повседневные стереотипы]

Поскольку существует взаимовлияние между стандартным вариантом интерпретации и вариантом, принятым в настоящее время, то именно принятые и циркулирующие в настоящее время интерпретации влияют на поведение людей.

К сожалению, гораздо сложнее исследовать эту, реальную, культуру, чем систематизировать

и комментировать сочинения гения. Культура существует в обществе людей, которые слишком заняты, чтобы предаваться таким непривычным занятиям, как формулирование своих собственных идей. Они записывают их лишь в редких случаях, и исследователь обычно не может оценить, насколько данные, полученные путем изучения подобных записей, типичны.

Вероятно, лучшее, что мы можем в такой ситуации сделать, – это последовать совету лорда Брайса. Он пишет, что нужно “пройти сквозь всякого рода категории и жизненные условия людей”, для того чтобы выявить в каждом жилом квартале человека, свободного от предрассудков и имеющего свое мнение.

[Возникновение стереотипного представления о прогрессе]

Но чтобы иметь такой глобальный успех, идея должна чему-то соответствовать, пусть и неточно.

Профессор Бери показывает это на примере идеи прогресса. Он пишет, что долгое время она оставалась игрушкой абстрактного мышления. “Новой идее абстрактного характера, – пишет он, – нелегко проникнуть в сознание общества и воздействовать на его формирование изнутри. Это происходит только тогда, когда она обретает конкретное внешнее воплощение или принимается под влиянием каких-то поразительных фактов. В случае с понятием прогресса обе эти предпосылки возникли (в Англии) в период 1820–1850 годов”.

Фактический материал, который способствовал принятию этой идеи, был обеспечен технической революцией. “Люди, родившиеся в начале века, еще не достигнув тридцатилетнего возраста, стали свидетелями быстрого распространения пароходов, открытия первой железной дороги, освещения городов и домов с помощью газа”. В сознании обывателя подобные чудеса сформировали веру в возможность совершенствования человеческого рода.

2. [Видимая и невидимая стороны стереотипа “прогресс”]

[Американская версия стереотипа “прогресс”]

Стереотип, представленный словами “прогресс” и “совершенствование”, возник главным образом благодаря изобретениям в области техники. Техническим, по сути дела, он остается и по сей день.

В Америке свидетельства технического прогресса произвели столь глубокое впечатление, что это повлияло на весь моральный код. Американец переживает практически любое оскорбление, кроме обвинения в том, что он не прогрессивен. Будь он коренным жителем или иммигрантом, недавно переселившимся в страну, его больше всего поражает невероятное материальное развитие американской цивилизации. Это развитие конституирует фундаментальный стереотип, сквозь который он видит этот мир. Небольшая деревня становится крупным городом; скромное здание – небоскребом; медленное становится быстрым; маленькое – огромным; бедное – богатым; немногое – многим. Что бы это ни было, оно приумножается.

Те, кто в журналах, посвященных религии успеха, предстают Творцами Америки, смотрят на мир именно так, когда проповедают эволюцию, прогресс, процветание, конструктивность, американский подход. Над этим легко смеяться, но на самом деле они используют великую модель (*pattern*) человеческой целеустремленности. Во-первых, она принимает безличный критерий, во-вторых – земной, и, наконец, она приучает человека мыслить количественно. Заложенный в ней идеал смешивает мастерство и размер, счастье и скорость, человеческую природу и хитроумные приспособления. Вместе с тем в этой модели задействованы те же мотивы, которые всегда приводили и будут приводить в действие любой моральный код: стремление к самому большому, самому быстрому, самому высокому, а если вы – производитель наручных часов или микроскопов, то к самому маленькому. Любовь ко всему, что заслуживает превосходной степени, ко всему “бесподобному” – это, по существу, благородная страсть.

Американская версия прогресса, конечно, вписала огромное разнообразие фактов в картину достижений в области экономики и человеческой природы. Она обратила огромный запас задиристости, стяжательства и жажды власти в продуктивную работу. И, по крайней мере, вплоть до недавнего времени, она не приводила к серьезной фрустрации жаждущей действий природы представителей активной части общества (*community*). Они создали цивилизацию, обеспечивающую ее создателей тем, что их в полной мере удовлетворяет в труде, спаривании и играх. Победы над горами, прериями, расстояниями, конкурентная борьба людей даже заменили ту часть религиозного чувства, что связана с ощущением причастности к целям мироздания. Эта мо-

дель оказалась столь успешной в последовательном ряду идеалов, практики и результатов, что любой вызов ей расценивается как антиамериканизм.

[Ослепляющее воздействие стереотипа “прогресс”]

И все же эта модель являет собой только частичный, неполный способ представления мира. Привычка думать о прогрессе как о развитии означала, что многие аспекты окружающей действительности просто игнорировались.

Имея перед глазами стереотип прогресса, американцы в своей массе видели очень мало из того, что не согласовывалось с представлением о прогрессе.

Они наблюдали рост городов, но забывали о распространении трущоб; они приветствовали данные переписи, но отказывались замечать проблему перенаселенности; они с гордостью демонстрировали признаки развития, но не замечали, что отрываются от корней, как не замечали и проблемы неассимилированности иммигрантов.

Они бешено развивали промышленность, забыв об ущербе, наносимом природным ресурсам; они основали гигантские корпорации, не согласовав вопросов производственных отношений.

Американцы создали одно из самых мощных государств на Земле, не подготовив свои социальные институты или менталитет к необходимости покончить со своей изоляцией.

3. [В каждом стереотипе есть слепое пятно]

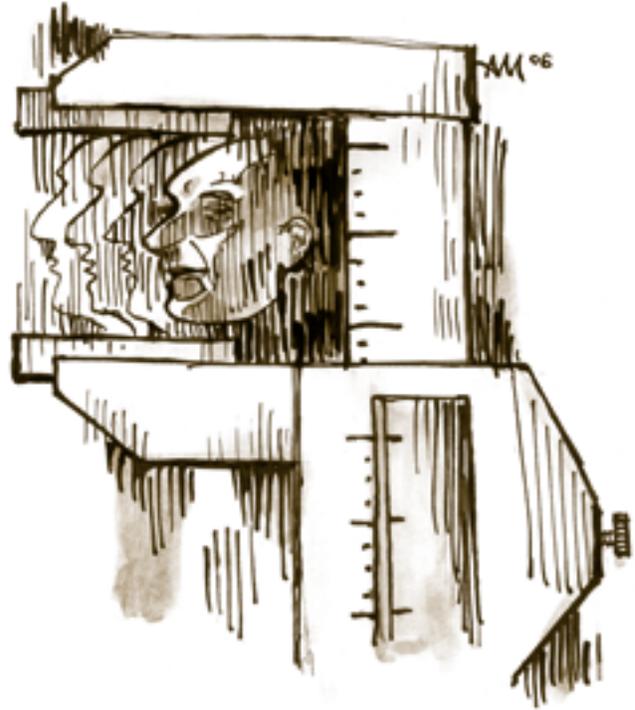
[Куда незримо ведут стереотипы]

Каждая система стереотипов включает в себе идею, согласно которой в определенный момент можно прекратить прилагать усилия – и все случится само собой так, как вы этого хотели.

Стереотип прогресса, достаточно мощный, чтобы инициировать свершение дел, практически полностью гасит стремление решать, какие дела должны быть сделаны и почему должны быть сделаны именно они.

Laissez-faire (франц. – “невмешательство”) – благословенное освобождение от тупой бюрократии – предполагает, что люди будут сами собой, в результате спонтанного озарения, двигаться к предначертанной гармонии.

Коллективизм – противоядие от бессердечного эгоизма – в марксистском сознании предполагает экономический детерминизм, неизбежным результатом которого должно явиться

ся эффективное и мудрое руководство социалистическим государством.

Сильное правительство, ведущее империалистическую политику как внутри страны, так и за рубежом, хорошо осознает цену беспорядка и исходит из представления, что нужды граждан лучше всего известны тем, кто этими гражданами управляет.

В каждой из этих теорий имеется зона (пятно) слепого автоматизма. В этой зоне скрыто то, что, будучи принято во внимание, сдержало бы движение, вызываемое стереотипом.

[Слепые пятна стереотипов делают мир несомненным]

Если бы стороннику прогресса пришлось задаться вопросом, который, согласно известному анекдоту, встал перед китайцем, побившим рекорд в беге: куда потратить время, которое он сэкономил;

если бы адвокат *laissez-faire* принял во внимание не только свободную, брызжущую через край энергию людей, но и то, что некоторые люди считают природой человека;

если бы коллективист поставил в центр внимания проблему, как охранять чиновников, а империалист усомнился бы в своем воодушевлении,

– то мы имели бы дело не столько с Генрихом V, сколько с Гамлетом.

Иначе говоря, слепые пятна не позволяют увидеть отвлекающие от магистрального пути образы. Образы, которые порождают соответствующие эмоции и могут привести к сомнениям и слабости.

Следовательно, стереотип не только экономит время и служит защитой нашего положения в об-

...стереотип не только экономит время и служит защитой нашего положения в обществе, но и может защищать нас от всей той путаницы, которая возникает при попытке посмотреть на мир как на нечто устойчивое и целостное

ществе, но и может защищать нас от всей той путаницы, которая возникает при попытке посмотреть на мир как на нечто устойчивое и целостное.

Выписки из главы 9 “Коды и их противники”

1. [Схематизация на основе стереотипов]

[Мы видим то, что ожидаем увидеть]

Любой, кому приходилось стоять на перроне в ожидании друга, может вспомнить, сколько раз он ошибался, принимая за него совсем других людей. Форма шляпы или характерная походка воскрешали в памяти черты знакомого человека. Во сне вы можете принять тихое треньканье за звон колокола, а услышанный издали стук молотка – за раскаты грома.

Это происходит потому, что совокупность образов в нашем воображении отзывается на стимул, похожий, пусть и смутно, на один из аспектов этих образов. При галлюцинациях эта совокупность может заполнять все сознание человека. А может быть и так, что она лишь чуть-чуть вклинивается в восприятие, хотя я склонен считать, что случаи такого чрезвычайно утонченного восприятия крайне редки, как, например, ощущения, которые мы испытываем, когда упорно смотрим на знакомое слово или предмет и он постепенно перестает казаться знакомым. Разумеется, в большинстве случаев способ нашего восприятия вещей – это сочетание того, что перед нами, и того, что мы ожидаем увидеть.

Астроном видит небо иначе, чем влюбленная парочка. Страничка сочинения Канта у канти-

анца вызывает мысли, отличные от тех, которые она вызывает у сторонника радикального эмпиризма. Таитянская красавица кажется более привлекательной своему таитянскому поклоннику, нежели читателю журнала “Нэшнл Джиографик”.

[Эксперт и невежда видят разное]

Компетентность в любой области означает на самом деле увеличение числа аспектов, которые человек способен увидеть, а также привычку не принимать ожидаемое за действительное. Если для невежды все вокруг одинаково, а жизнь – просто череда похожих друг на друга событий, то для специалиста все вокруг глубоко индивидуально.

Водитель, гурман, знаток искусства, член президентского кабинета или жена профессора видят, соответственно, такие различия между автомобилями, винами, старыми мастерами, республиканцами или сотрудниками факультета, которых не замечают непосвященные в эти проблемы люди.

Люди оказываются экспертами лишь в немногих областях.

Даже среди опытных солдат, как мы узнали во время войны, существует специализация, и опытный кавалерист не всегда выглядит героем в окопной войне или в операциях с участием танковых войск.

На самом деле иногда случается, что ограниченная компетентность в некоей ограниченной области приводит к гипертрофии привычки втискивать в узкие рамки стереотипа то, что в него может быть втиснуто, и отбрасывать то, что в него не помещается.

[Стереотип “прогресс” как схема]

Когда мы распознаем нечто как знакомое, то при недостатке внимания мы часто его представляем себе с помощью образов, уже имеющихся в нашем сознании.

Так, американское представление о прогрессе и успехе включает в себе некую картину человеческой природы и общества. Именно определенная человеческая природа и вполне конкретный тип общества логически ведут к тому типу прогресса, который считается идеальным. И затем, когда мы стремимся описать действительно успешных людей и произошедшие события, мы приписываем им качества, заложенные в соответствующих стереотипах.

Эти качества простодушно возвели в стандарт экономисты прежних времен. Они ставили перед

собой задачу описать социальную систему, в рамках которой они существовали, однако обнаружили, что система эта слишком сложна, чтобы укладываться в словесное описание. Таким образом, они построили то, что искренне считали упрощенной схемой. Однако как по своему принципу, так и по точности отражения эта схема недалеко ушла от детского рисунка коровы в форме прямоугольника с головой и ногами.

Эта схема включала в себя капиталиста, упорным трудом наживающего капитал; предпринимателя, который в ответ на социальную потребность открыл фабрику; совокупность рабочих, нанятых по свободному контракту; помещика и группу потребителей, покупающих на самом дешевом рынке готовые к употреблению товары, которые, если исходить из понятия соотношения между затратами и удовольствием, доставляли им максимальное удовольствие.

Модель оказалась работающей. Люди, предусмотренные моделью, жили в мире, предусмотренном ею, и всегда гармоничнейшим образом сотрудничали друг с другом в книгах, где эта модель описывалась.

Эта чистая фикция, с течением времени украшавшаяся и видоизменявшаяся, использовалась экономистами для упрощения мышления. Ее распространяли и популяризировали, пока для большей части населения она не возобладавала в качестве злободневного экономического мифа.

Эта фикция обеспечивала стандартное представление о капиталисте, предпринимателе, рабочем и потребителе в обществе, которое было в большей степени способно к достижению успеха, нежели к его объяснению. Возводившиеся здания и растущие банковские счета доказывали: стереотип того, как все это делалось, верен. А наиболее преуспевающие убеждались, что они как раз и были людьми надлежащего сорта. Неудивительно, что закадычным друзьям преуспевающих людей при чтении их официальных биографий и некрологов приходится подавлять в себе сомнения в том, что речь действительно идет о тех самых людях.

2. [Столкновения стереотипов]

[Разница между преуспевшими и проигравшими]

Понятно, что для тех, кто не преуспел, и тех, кто оказался в положении жертвы, официальная картина была неузнаваема.

Тогда как те, кто олицетворял собой прогресс, не задумывались, как они добились своих результатов – двигаясь путем, начертанным экономистами, или каким-то другим столь же достойным путем, – непреуспевшие очень даже задумывались. “Никто, – пишет Уильям Джемс, – не пускается в обобщения, которые выходят за пределы его знания деталей”.

Промышленные магнаты видели в огромных концернах памятники (своему) успеху, а их потерпевшие поражение соперники – памятники (своим) неудачам. Таким образом, капиталисты, живописуя выгоду и преимущества большого бизнеса, просили, чтобы их не трогали как силу, способствующую процветанию общества и развитию торговли.

Проигравшие же твердили о потерях и жестокостях, приносимых концернами, и громко взывали к департаменту юстиции, чтобы тот вызволил бизнес из рук конспираторов.

[У каждого стереотипа своя правда]

Одну и ту же ситуацию первые видели как прогресс, развитие хозяйства и чудесные свершения, а вторые – как реакцию, расточительность и ограничение торговли. Публиковались тома статистических данных, анекдоты о настоящей правде и о подноготной, о большей и более глубокой правде, подтверждая обе точки зрения.

Ведь когда система стереотипов является жесткой, мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем фактов, которые

Когда система стереотипов является жесткой, мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем факты, которые ей противоречат. Именно поэтому, вероятно, добрые люди видят в мире так много проявлений добра, а злые – зла

ей противоречат. Именно поэтому, вероятно, добрые люди видят в мире так много проявлений добра, а злые – зла. Мы не видим того, что наш глаз не привык принимать во внимание. Иногда сознательно, а чаще неосознанно нас впечатляют только те факты, которые согласуются с нашей философией.

3. [Оценивание на основе стереотипов]

[Стереотип генерирует эмоции]

Наша философия заключает в себе ряд более или менее систематизированных образов, которые служат для описания невидимого мира. Причем эти образы служат не только для его описания, но и для суждения о нем. Следовательно, стереотипы нагружены предпочтениями, приятными или неприятными, ассоциируются со страхами, желаниями, влечениями, гордостью, надеждой. Объект, который активизирует стереотип, оценивается в связи с соответствующими эмоциями.

[Стереотип как предрассудок]

За исключением тех ситуаций, когда мы сознательно отмечаем в сторону предрассудки, мы не начинаем с того, что изучаем человека, а потом оцениваем его как плохого. Мы сразу же видим злодея. Точно так же как видим свежее росистое утро, застенчивую девушку, благообразного священника, лишённого чувства юмора англичанина, опасного коммуниста, небрежно одетого художника, ленивого индуса, хитрого восточного человека, мечтательного славянина, непостоянного ирландца, жадного еврея, стопроцентного американца.

В повседневном мире именно предшествующее получению соответствующих данных суждение содержит в себе вывод, который эти данные чаще всего и подтверждают. Ни справедливость, ни прощение, ни истина не входят в это суждение, ибо оно предшествует получению фактических данных.

Тем не менее народ, лишённый предрассудков, с абсолютно нейтральным мировоззрением настолько немислим в любой достойной внимания цивилизации, что никакая образовательная система не может быть основана на этом идеале.

[Моральные коды как стереотипные правила оценивания]

Предрассудок может быть выявлен, учтен и доработан. Но так как срок жизни человека ограничен, тот должен за отпущенное ему время получить все сведения, необходимые для освоения обширной цивилизации, поэтому ему не обойтись без предрассудков. Качество его мышления и деятельности будет зависеть от того, являются ли эти предрассудки доброжелательными по отношению к другим людям и идеям, возбуждают ли они скорее любовь по отношению к тому, что явно воспринимается как благо, или ненависть по отношению к тому, что не входит в их представление о благе.

Представления о нравственности, о хорошем вкусе, о том, “как положено”, сначала стандартизируют, а потом выделяют некоторые основные предрассудки. Приспособившись к своему коду, мы начинаем приспосабливать к нему воспринимаемые нами факты. На рациональном уровне мы понимаем: факты нейтральны по отношению к нашему представлению о том, что хорошо, а что плохо. На самом же деле наш канон существенно определяет, что и как мы воспринимаем.

Моральный код – это схема поведения, приложенная к целому ряду типичных ситуаций. Вести себя в соответствии с правилами кода – значит служить той цели, которой служит этот код.

Это может быть Божья или королевская воля, спасение данного индивида в прекрасном, надежном, трехмерном рае, успех в земных делах или служение человечеству. В любом случае творцы кода в процессе его создания ориентируются на некие типичные ситуации, а затем посредством определенной формы суждения или интуитивной оценки выводят тот тип поведения, который приводит к начертанной ими цели. Правила применяются там, где они приложимы.

[Правила применения моральных кодов и их толкователи]

Но как человек в повседневной жизни может узнать, совпадают ли его логические категории с теми, что имел в виду законодатель? Ему сказано: убивать нельзя. Но если нападают на его детей, может ли он убить, чтобы предотвратить убийство? Десять заповедей об этом умалчивают.

Поэтому вокруг каждого кода кружится целая толпа толкователей, которые выводят правила для конкретных ситуаций. Предположим, дипломированные юристы постановили, что человек может убивать в целях самообороны. Однако это не решает проблем обычного человека. Как он может знать, что правильно понял принцип самообороны и в данном конкретном случае верно понял ситуацию, что не обманулся, – на него действительно нападают, и при этом он обороняется, а не наоборот? А вдруг он сам спровоцировал нападение? Что же в таком случае можно считать провокацией?

[Моральные коды как стереотипные интерпретации]

В современном мире гораздо более серьезным, чем моральные различия в кодах, является различие в понимании фактов, к которым данный код при-

ложим. Религиозные, нравственные и политические формулы не так далеки друг от друга, как далеки друг от друга факты, принимаемые на веру приверженцами кодов. В таком случае, вместо того чтобы сравнивать идеалы, полезно пересмотреть интерпретацию фактов.

Так, правило, согласно которому следует поступать с другими так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами, покоится на убеждении в единообразии человеческой природы. Утверждение Бернарда Шоу, что вы не должны поступать с другими так, как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами, поскольку у них могут быть другие вкусы, основывается на убеждении в том, что человеческая природа не единообразна. Максима “конкуренция – душа торговли” состоит из целого фолианта предположений относительно мотивов экономического поведения, производственных отношений и функционирования конкретной системы торговли. Утверждение, что у Америки никогда не будет торгового флота, который не находился бы в частной собственности, исходит из обоснованной связи между определенным типом получения доходов и мотивами деятельности. Когда большевистский пропагандист, оправдывая диктатуру, шпионаж и террор, выдвигает тезис о том, что всякое государство – это аппарат подавления, это историческое суждение, истинность которого отнюдь не очевидна для человека, не придерживающегося коммунистических взглядов.

[Догматичность vs критичность – по отношению к моральным кодам]

Ядро любого морального кода состоит из картины человеческой природы, карты Вселенной и версии исторического процесса. К определенным образом понятой природе человека, к определенным образом представляемой Вселенной и к определенным образом реконструированной истории и прилагаются правила кода. А поскольку факты личной биографии, окружающего мира и памяти у разных людей существенно различаются, постольку применение кода наталкивается на значительные сложности.

В каждом моральном коде так или иначе должны быть осмыслены психология человека, окружающий его материальный мир и традиция. Но если в кодах, находящихся под влиянием науки, это осмысление полагается гипотетическим, то в кодах,

восходящих к прошлому или возникающих из глубин человеческого сознания, это осмысление воспринимается не как гипотеза, требующая доказательства или опровержения, а как фикция, принимаемая без всяких колебаний.

В одном случае человек относится к своим убеждениям со скромностью, так как ему известны их предварительный характер и неполнота, в другом – проявляет догматизм, так как его убеждения – миф, отличающийся законченностью и полнотой. Моралист, приверженный науке, убежден, что, пускай он и не знает всего, он знает хотя бы что-то.

[Моральные коды создают мифы]

Догматик, опирающийся на миф, считает, что он приобщился к дару всеведения, пусть у него и отсутствуют критерии различения истины и ошибки. Ведь отличительной особенностью мифа является то, что истина и ошибка, факт и выдумка, сообщение о реальных событиях и фантазии лежат в одной плоскости правдоподобия.

Таким образом, миф необязательно ложен. Он может оказаться абсолютно правдивым. Он может быть отчасти правдивым. Если он влиял на человеческое поведение в течение длительного времени, он наверняка содержит много важных и глубоких истин. Однако в мифе никогда не заложена критическая способность отделять то, что в нем правильно, от того, и что в нем ошибочно. Эта способность проистекает только из осознания того, что никакое человеческое мнение, что бы ни думали о его происхождении, не может быть неприкосновенно для проверки фактическими данными, что каждое мнение – это всего лишь чье-то мнение.

А если вы спросите, почему проверка с помощью фактов предпочтительнее любой другой, то вы не получите ответа, если не согласитесь проверить ее саму с ее же помощью.

4. [Действия и суждения на базе стереотипов]

[Моральные коды как стереотипы “правильного” поведения]

Утверждение, что моральные коды предполагают определенное видение фактов, на мой взгляд, может быть убедительнейшим образом доказано.

Под моральными кодами я понимаю правила самого разного рода: личные, семейные, экономические, профессиональные, правовые, патриотические, международные. В центре каждого такого

кода находится система (pattern) стереотипных представлений о психологии, социологии и истории. Представления о человеческой природе, социальных институтах или традициях редко бывают общими для всех этих кодов.

Сравним, к примеру, экономический и патриотический коды. Итак, идет война, которая, как считается, одинаково влияет на всех. Представим себе двух людей, объединенных общим делом. Один вербует в солдаты, а другой получает контракт на армейские поставки. Солдат жертвует всем, возможно даже своей жизнью. Ему платят доллар в день, и никто не говорит, никто не верит, что он будет лучше воевать, если его стимулировать экономически. Этот мотив человеческой деятельности он начисто утрачивает. Поставщик жертвует очень немногим, ему оплачивают накладные расходы, а также дают определенную сумму за труды, и очень немногие говорят или думают, что он занялся бы поставкой военного снаряжения, если бы у него не было экономического стимула. Это было бы по отношению к нему нечестно.

На этом примере я хочу показать, что принятый патриотический код предполагает одно представление о человеческой природе, а коммерческий код – другое.

И коды, вероятно, основаны на правильных ожиданиях, поскольку человек, приняв определенный код, часто проявляет именно такую человеческую природу, какой от него требует данный код.

Я утверждаю, что система (pattern) стереотипов, находящаяся в центре наших кодов, определяет, какую именно группу фактов и в каком ракурсе мы увидим

[Относительность суждений о человеческой природе]

Именно поэтому так опасно делать обобщения относительно человеческой природы.

Любящий отец может быть угрюмым начальником, честным муниципальным служащим у себя на родине и в то же время – агрессивным ура-патриотом за пределами своей страны. Его семейная жизнь, его карьера, его взгляды в сфе-

ре внешней и внутренней политики основываются на совершенно различных версиях того, что представляют собой окружающие и как следует себя вести. Эти версии различаются потому, что связаны с разными кодами, уживающимися в сознании одного человека.

Коды двух представителей одного социального слоя схожи между собой.

Но если речь идет о разных социальных слоях, разных нациях, разных расах, то их коды довольно сильно различаются. Причем они могут не совпадать до такой степени, что между ними практически может не быть ничего общего. Именно поэтому люди, исповедующие одни и те же религиозные взгляды, могут воевать друг с другом. Элемент их веры, определяющий их поведение, и является тем видением фактов, из которого они исходят.

[На основе моральных кодов формируются мнения]

Здесь коды оказывают свое незаметное, но всепроникающее воздействие на процесс формирования общественного мнения. Согласно традиционным теориям, общественное мнение – это моральное суждение по поводу группы фактов*.

Развиваемая мною теория состоит в том, что при современном состоянии образования общественное мнение является прежде всего морализированной и кодифицированной версией фактов. Я утверждаю, что система (pattern) стереотипов, находящаяся в центре наших кодов, определяет, какую именно группу фактов и в каком ракурсе мы увидим.

Поэтому, несмотря на наилучшие намерения, политика газеты в отражении новостей попадает под влияние политики редакции.

Именно поэтому капиталист видит один набор фактов и аспектов человеческой природы, а его оппонент-социалист – набор других фактов и аспектов природы человека. Именно поэтому каждый из них считает, что другой заблуждается или лишился рассудка, тогда как реальное различие между ними – это различие восприятия. Оно диктуется различиями между капиталистической и социалистической системами стереотипов.

“В Америке нет классов”, – пишет один американский редактор. “История всех обществ, су-

* О понятии “общественное мнение” и его отличии от “Общественного Мнения” см. выше, в Предварительных замечаниях.

ществовавших до сих пор, есть история классово-вой борьбы”, – говорится в Манифесте Коммунистической партии. Если в вашем сознании заложена система цитировавшегося выше редактора, то вы хорошо разглядите факты, которые ее подтверждают, и с трудом – те факты, которые ей противоречат. Если вы следуете коммунистической системе стереотипов, то вы не просто будете обращать внимание на другие вещи, но, даже если вы и упомянутый редактор смотрите на одни и те же вещи, вы будете видеть их в совершенно разном свете.

5. [Взаимоотношения на базе стереотипов]

[Осознание стереотипов как условие взаимопонимания]

А поскольку моя система нравственности покоится на принятой мной версии событий, – значит, тот, кто отрицает либо мои моральные суждения, либо мою версию событий, является, с моей точки зрения, чужим, опасным и ошибочно мыслящим человеком. Как я могу объяснить его позицию?

Оппонента, как бы он от нас ни отличался, всегда нужно как-то понимать, и мы в самую последнюю очередь объясняем его отличие тем, что он видит другие факты. Этого объяснения мы избегаем, так как оно подрывает сами основания нашей уверенности в том, будто мы смотрим на жизнь ясным взглядом и видим ее во всей ее целостности.

Только если мы привыкли признавать, что наше мнение является частичным опытом, который мы рассматриваем сквозь свои же стереотипы, – тогда мы можем быть толерантными по отношению к нашему оппоненту.

Если у нас нет такой привычки, то мы верим в абсолютность нашего восприятия и потому – в вероломство любого, кто думает иначе. Хотя люди готовы допустить, что существуют две стороны “вопроса”, они не верят, что существуют две стороны того, что они считают “фактом”. И они не верят в это до тех пор, пока в результате длительного обучения критическому подходу не придут к полному осознанию того, насколько вторично и субъективно их понимание социальных сведений.

[Различия в стереотипах как источник недоверия]

Таким образом, там, где каждая из двух групп видит свой аспект события и стремится к собственным

объяснениям увиденного, они практически не могут доверять друг другу. Если система стереотипов соответствует их опыту в ключевых моментах, они уже не смотрят на нее как на интерпретацию – они смотрят на нее как на “реальность”. Она может не

Оппонента, как бы он от нас ни отличался, всегда нужно как-то понимать, и мы в самую последнюю очередь объясняем его отличие тем, что он видит другие факты

походить на реальность, за исключением того, что ее кульминацией является вывод, гармонирующий с реальным опытом.

Своих оппонентов мы превращаем в негодяев и заговорщиков.

Если происходит резкий скачок цен, то тут налицо заговор спекулянтов; если газеты врут, то это происки капиталистов; если богатые слишком богаты, значит, они наворовали; если мы проигрываем выборы, значит, избиратели продажны; если государственный деятель совершает не одобряемый вами поступок, то он либо подкуплен, либо попал под влияние какого-то нехорошего субъекта.

Если рабочие бунтуют, они подверглись подрывной агитации; а если это происходит сразу во многих местах, то кто-то явно планирует заговор.

Если производится недостаточное число аэропланов, то это результат происков шпионов; если происходят беспорядки в Ирландии – это подкуп немцев или большевиков.

А если человек проявляет полную твердость и видит кругом только злоумышленников, то все забастовки, жесткий план развития экономики, беспорядки в Ирландии, Мексике или в мусульманских странах, реставрацию короля Константина, Лигу Наций, движение за сокращение вооружения, filmy, демонстрируемые по воскресеньям, короткие юбки, нарушение сухого закона и борьбу негров за гражданские права он сочтет частными проявлениями грандиозного заговора, организованного Москвой, Римом, масонами, японцами или сионскими мудрецами. ■